

ТНИИЯЛИ. Вып. XVI. Кызыл. 1973. С. 276—277; Моллеров Н. М. История братства. РСТК и ТНР. Исторический очерк. Кызыл. 1989.

³² Портников В. Смерть государства // Независимая газета. 11 октября 1994.

³³ ЦГА РТ, хранилище № 2. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3.

³⁴ Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

³⁵ Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976; Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М., 1985. С. 241, сл.

³⁶ Москаленко Н. Этнополитическая ситуация в Республике Тува. М.: Изд-во Ин-та этнологии антропологии РАН, 1993.

³⁷ Тувинская правда. 12 июля 1994.

³⁸ Российская газета. 19 мая 1994.

³⁹ См., например: Тощенко Ж. Потенциально опасные точки (этнополитическая ситуация в России в 1993 г.) // Независимая газета. 1 марта 1994.

⁴⁰ Москаленко Н. Обособится ли Тува от России в ближайшие годы? // Независимая газета. 19—21 мая 1994.

⁴¹ Сведения о современном положении Республики Тыва (Тува), ее Конституции, политических партиях и общественных движениях, парламенте, средствах массовой информации и др. см.: Москаленко Н. Республика Тыва (Тува). Справочник. М., 1994.

Tuva and Russia

The history of relations between Tuva and Russia since XVIII century is described. The author points out that social and economic development of Tuva in Soviet times was a very contradictory process. There were obvious successes in industrial development, education and some other spheres. At the same time, the traditional pastoral economy and way of life came to a drastic decrease. Since 1990 Tuva is a sovereign republic within the Russian Federation.

V. A. Dubrovsky, N. P. Moskalenko

© 1995 г., ЭО, № 6

П. В. Грибанов

КРЕОЛИЗАЦИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ СТРАНАХ КАРИБСКОГО РЕГИОНА

Прежде всего необходимо дать определение термину «Карибский регион», так как в отечественной историографии его содержание раскрывается по-разному. Этнологи при исследовании этнических процессов в странах Америки придерживаются географического принципа, историки и экономисты — политического¹. Можно заключить, что в отечественной науке нет общепринятого термина, характеризующего страны Западного полушария, не относящиеся ни к Латинской Америке, ни к США и Канаде, и отражающего их экономические, политические, географические и, что важнее всего в контексте данного исследования, этнокультурные особенности.

В то же время в зарубежной как специальной, так и политической и популярной литературе страны Вест-Индии (без Кубы, Доминиканской республики и Пуэрто-Рико), Гвианы и Белиз объединяют термином «Caribbean» (англ.) либо «Caribe» (исп., порт., фр.).

Думается, что эти страны можно назвать «Карибские» или «страны Карибского региона», учитывая не географическую, а прежде всего их историческую и этнокультурную общность. Регион получил свое название по имени индейцев-карибов, обитавших в доколумбовы времена на некоторых островах Карибского моря и в Гвиане. В Карибском регионе существует ряд стран с этнически гетерогенным, полиэтничным населением. В Гайане, Суринаме и на Тринидаде имеются

крупные этнические общности индоостанского происхождения, живут там и потомки выходцев из Китая, португальцев с Мадейры и Азорских островов, стран Ближнего Востока (*ливанцы* или *сирийцы*). В Гайане и Суринаме проживают также представители нескольких индейских народов. В Суринаме, кроме того, живут потомки яванцев, а также *лесные негры* — потомки бежавших в сельву рабов-африканцев.

В Белизе имеется значительная группа испаноязычного населения, а также представители майяязычных народов. Живут здесь также *черные карибы* (*гарифы*) — народ смешанного африкано-индейского происхождения; потомки выходцев из ряда стран Азии и Европы.

Наконец, во всех упомянутых странах имеются значительные группы африканского и смешанного африкано-европейского населения, называемые креолами. Креолы составляют основное население и других стран Карибского региона, в прошлом являвшихся колониями Великобритании, Франции и Нидерландов, — Ямайки, Гренады, Мартиники, Кюрасао и т. д.

В этой связи необходимо уточнить содержание термина «креол».

Слово «креол» с вариантами написания и произношения обозначало в Америке в начальный период колонизации «местный» и определяло не только людей независимо от цвета кожи, но и предметы (естественные или сделанные человеком). Нередко этот смысл слова сохраняется и поныне: «креольский дом», «креольская пища» и т. д. В разных странах Нового Света креолами называют различные этнические и этнорасовые группы, отличающиеся своим происхождением от коренных жителей, жителей метрополии (при колонизации) и поздних иммигрантов XIX — начала XX в. В странах Латинской Америки (в прошлом испанских колониях) креолами называют потомков первых европейских поселенцев, преимущественно испанцев, без примеси индейской или африканской крови, родившихся в Америке (в отличие от уроженцев метрополии). В Луизиане и Техасе (США) креолы — потомки французов, вступивших в браки с индианками, на Аляске — потомки от браков русских с индейскими, алеутскими, эскимосскими женщинами. Наконец, в Бразилии и странах Карибского региона (кроме бывших испанских колоний) креолы — преимущественно потомки рабов-африканцев.

Особенно активно термин «креол» стал употребляться в карибских странах после начала в них массовой борьбы за независимость и провозглашения суверенных государств в 40—70-е годы XX в. Как отмечал отечественный исследователь А. Д. Дридзо, термин «негр» здесь выходил из употребления, его считали оскорбительным для потомков африканцев, наследием колониального прошлого. В печати (не только общей, но и научной) можно встретить упреки авторам, употребляющим этот этноним. Предпочитаются термины «афроамериканец», «африканец», «черный», «креол»².

Таким образом, термин «креолизация» можно применить для названия процессов приспособления различных иммигрантов и их потомков к местным условиям (физическим, социальным и собственно этническим). При этом необходимо учитывать, что социальные и этнические условия определялись прежде всего колониальной зависимостью исследуемых стран от соответствующих европейских метрополий. По мнению крупнейшего ямайского исследователя Э. К. Брэйсуэйта, креолизация — это, с одной стороны, приспособление белых и негров (африканцев) к карибской среде, с другой — приспособление негров к культуре белых. Вместе с тем в этнокультурном плане креолизация, по мнению Э. К. Брэйсуэйта, не сводима лишь к аккультурации, в ней имеются и элементы транскультурации, т. е. процесса взаимного смешения и обогащения контактирующих культур³.

К трактовке термина «креолизация» Э. К. Брэйсуэйтом близка точка зрения исследователя Э. Л. Нитобурга. Черные рабы, пишет он, лишённые этнической идентификации, а в значительной мере и культурного наследия, вынуждены были адаптироваться к культуре господствующего белого меньшинства. Но и последняя на карибской почве не могла не испытывать влияния африканского

большинства населения. Взаимовлияние и модификация этих культурных потоков были главной чертой «креолизации» — длительного культурного процесса, начавшегося еще в XVI—XVII вв. и продолжавшегося в колониях после отмены рабства⁴. В более поздней работе этот исследователь прямо характеризует креолизацию как «процесс взаимодействия европейского и африканского культурных потоков»⁵.

Характеристике процесса креолизации из отечественных специалистов также уделяли внимание А. Д. Дридзо⁶, автор данной статьи и Т. В. Гончарова⁷. Вместе с тем работы, специально посвященной особенностям этого этнокультурного процесса в странах Карибского региона и тем более в тех из них, население которых полиэтнично, в отечественной науке пока не появилось. И зарубежные исследователи отдельно не рассматривали специфику процесса креолизации именно в полиэтничных странах Карибского региона. Поэтому задачей статьи является характеристика особенностей процессов креолизации и межэтнической интеграции в странах Карибского региона, население которых полиэтнично, — Белизе, Гайане, Тринидаде и Тобаго, Суринаме.

Может возникнуть закономерный вопрос: чем же термин «креолизация» предпочтительнее других известных понятий, таких, как аккультурация, транскультурация и т. п.? Прежде всего термин уже длительное время используется в карибистике, хотя в основном и зарубежными специалистами. Он имеет конкретное этнокультурное содержание. Что же касается его соотношения с другими терминами, характеризующими этнические и этнокультурные процессы, то этот вопрос, на наш взгляд, выходит за рамки небольшой статьи и нуждается в специальном исследовании.

Необходимо отметить, что большинство авторов, рассматривавших процесс креолизации, ограничиваются преимущественно его ранним этапом (XVI — началом XIX в.), т. е. периодом генезиса современных креольских этносов. В то же время содержание этого процесса отнюдь не ограничивается лишь указанными временными рамками. В XIX—XX вв. уже сложившиеся креольские этносы, несомненно, оказали (и продолжают оказывать) влияние на вновь прибывавших иммигрантов из ряда стран Азии и Европы, а также (в контексте белизской ситуации) и из соседних латиноамериканских стран. Поэтому мы охарактеризуем и первый этап креолизации, т. е. процесс формирования креольских этносов в XVI — начале XIX в., и подробно остановимся на втором этапе — на взаимовлиянии культур креольских народов и культур иммигрантов XIX—XX вв.

В XVI—XIX вв. в условиях рабства основная часть негритянского населения все больше и больше утрачивала африканское культурное наследие. Особенно быстро шел процесс утраты материальной культуры. Аналогично складывалась ситуация с языками. Как отмечал А. Д. Дридзо, колонизаторы намеренно «перемешивали» на одной плантации как можно больше африканцев различной этнической принадлежности. Считалось, что таким образом уменьшится опасность сговора рабов и их выступлений против хозяев. Эксплуатировать рабов, не понимающих обращенных к ним приказаний, было невозможно. В итоге возник сильно упрощенный английский диалект, на котором отдавались приказания и который стал родным уже для первого поколения рабов, родившихся в карибских странах. Этот диалект (так называемый креоль) существует и поныне, причем креоли в каждой из стран имеют свои особенности. На креолях сегодня говорит подавляющее большинство населения карибских стран (кроме бывших колоний Испании) вне зависимости от этнической принадлежности. При этом в Суринаме, бывшем первоначально британской, в затем уже нидерландской колонией, основным разговорным языком населения также является креоль на основе английского — «токи-токи» или «пиджин инглиш».

Мы не будем касаться собственно лингвистических особенностей различных креолей, тем более что их уже исследовали отечественные специалисты⁸. Отметим лишь, что в общении рабов в карибских владениях Британии место африканских языков заняли диалекты английского, утратившие с ним какую-

либо связь и в то же время настолько специфичные, что их никак нельзя отождествлять с языком Британских островов.

Негры и мулаты, родившиеся в карибских колониях и владениях Великобритании, в отличие от называвшихся босалями рабов, прибывавших из Африки, назывались, а затем и называли себя, как отмечалось ранее, креолами. Этот термин, получивший большое значение во второй половине XIX в., уже в конце периода рабства отражал результат происходивших этнокультурных процессов. Как считал А. Д. Дридзо (основываясь на материале островных британских владений в регионе), «вест-индские креолы» достаточно скоро стали ощущать себя как общность, отличающуюся не только от белого населения, но и от уроженцев Африки»⁹. Первые креолы появились уже в XVI—XVII вв., но естественный прирост числа рабов в то время был крайне незначительным. Лишь в XIX в. после запрета работорговли (1808 г.) креолы составили довольно большие группы в населении исследуемых стран. Понятия «белый», «мулат», «негр» отражали социально-расовую структуру колониальных обществ, а понятие «креол» получило теперь определенное этническое содержание.

Уже к началу 30-х годов XIX в. разговорными языками рабов африканского происхождения стали местные креолы. Африканская лексика прочнее удерживалась в религиозно-культурной области. Например, в Гвиане детям нередко давались африканские имена в зависимости от дня недели, в который ребенок родился, согласно обычаям народов Западной Африки¹⁰. Однако чаще имена давались не матерями-негритянками, а плантаторами. Это были имена героев греческой и римской мифологии: Адонис, Венера, Геркулес¹¹. После принятия рабами христианства эти имена иногда становились их фамилиями.

Рабовладельцы не были заинтересованы в распространении среди рабов христианства¹². Только в начале XIX в. активность различных религиозных обществ среди рабов в исследуемых странах резко усилилась. Следствием ее было распространение среди рабов христианства различных протестантских толков, а в Белизе и католицизма. О росте христианизации можно судить, например, по гвианским данным. В Британской Гвиане число церквей и моленных домов для негров выросло с 1 в 1803 г. до 47 в 1938 г.¹³.

Обращение рабов в христианство, усвоение некоторыми из них основ английской грамотности ускорили их отрыв от культурных традиций африканских народов. Не только африканские языки, но и танцевально-песенный фольклор почти исчез, так как был объявлен миссионерами «пережитками язычества». Христианизация ускорила процесс формирования креольских общностей, начавшийся в условиях рабства.

Необходимо отметить, что, хотя «белые» (европейцы) составляли незначительную часть всех поселенцев, именно они монополизировали власть, распоряжались плантациями, лесозаготовками (в Белизе, где плантационное хозяйство отсутствовало) и торговлей, контролировали зарождающиеся административные и судебные институты. Соответственно британские поселенцы оказывали решающее влияние и на складывающуюся креольскую культуру.

Поэтому неудивительно, что наблюдателям и исследователям бросалась в глаза в первую очередь «англизация» бывших рабов. По мнению немецкого путешественника К. Аппуна, посетившего в 1863 г. Британскую Гвиану, креолы представляли собой «по характеру и развитию середину между своими черными родителями и белыми воспитателями»¹⁴. Действительно, креолы восприняли ряд черт английской культуры. Они изъяснялись на английских креолях (в Суринаме на «токи-токи»), формально являлись ревностными церковными прихожанами, носили одежду европейского образца. Африканские традиции считались связанными с рабским положением выходцев из Африки в колониях и владении, поэтому креолы стремились к постижению английских обычаев и культуры.

Вместе с тем креолы, как отмечалось ранее, сильно отличались от языка Британских островов. Как писал британский чиновник Г. Кирк, темнокожие жители Гвианы употребляли английские слова «шиворот навыворот, подобно

Алисе в Стране чудес»¹⁵. В фольклоре креолов прослеживались африканские мотивы. В целом в креольских культурах гораздо больше сохранились те аспекты традиционных африканских культур, которые не были связаны с языком (музыка, танец).

В религиозной жизни креолов наметились и окрепли новые, синкретические течения, явившиеся своеобразной антитезой официальным христианским культурам. Некоторые из этих течений не выходили за границы отдельных стран. «Общерегionalный» характер приобрел прежде всего креольский культ *обиа*.

Култ *обиа* широко распространен в англоязычных странах Карибского региона и в Суринаме. Брайан Эдвардс, ямайский историк и плантатор, считал, что этот культ имеет африканское происхождение, и рассматривал его как вредоносную магию, занятие колдунов, принуждавших суеверных темных африканцев совершать изуверские обряды и верить в дикие вымыслы¹⁶. *Обиа* имел много приверженцев на разных островах Вест-Индии, в Белизе и Гвиане (в последней особенно в Бербисе и на западном берегу р. Демерара). Основой культа была вера в существование мира духов, влияющего на мир реальный. Култ включал в себя различные магические обряды: насылание порчи на врага, привораживание, а также лечение больных, особенно в тех случаях, когда медицинская помощь оказывалась неэффективной. Посредниками между духами и людьми выступали жрецы (*обиамен* или *обиавумен*), часто имевшие прозвища, например Учитель, Мадам, Ученый, Далекоглядящий и т. п.¹⁷. Жрецами были лица самого различного возраста и этнического происхождения, часто с какими-либо физическими дефектами, например хромотой или сухорукостью, так как считалось, что физическое несовершенство способствует совершенству духовному. Жрецом часто становился пришелец со стороны, иностранец (например, недавний выходец из Африки). Чтобы сойти за иностранца, жрецы культа даже специально имитировали иностранный акцент¹⁸. Обряды, требовавшие жертвоприношений, совершались жрецами по просьбе их клиентов.

Британские чиновники всячески преследовали жрецов и активных приверженцев *обиа*, приговаривали их к значительным срокам тюремного заключения, однако культ продолжал существовать. Следует отметить, что наиболее подробные сведения о культе *обиа* содержатся именно в работах британских чиновников, по роду своей деятельности сталкивавшихся с приверженцами и жрецами *обиа*. Особенно интересна книга Джона Кэмпбелла, шерифа, много лет выявлявшего адептов *обиа* в Британской Гвиане¹⁹. По воле судьбы преследователь культа стал и наиболее известным его знатоком (подобное случилось и в России, достаточно сослаться на пример Мельникова-Печерского).

Отмена рабства в британских владениях в 1834 г. в этнокультурном плане способствовала консолидации креольских общностей. Э. К. Брэйсуэйт даже назвал ее «гуманной революцией», указывая, что наряду с изменением экономической и социальной структуры она резко усилила процесс креолизации²⁰. В Суринаме, равно как и в других нидерландских владениях, рабство было отменено позднее, но и здесь его отмена имела сходные этнокультурные последствия.

После отмены рабства, несмотря на усиление «англизации», бывшей составной частью процесса креолизации, у темнокожего населения карибских владений Великобритании продолжали сохраняться некоторые африканские религиозные и культурные традиции, правда, в трансформированном виде. Вместе с тем стремление приблизиться к английскому образцу продолжало у потомков рабов сохраняться. Интересно в этой связи замечание британского историка Джеймса Родвея, что, например, в Британской Гвиане в середине XIX в. «черные женщины заботились больше о своих незаконных детях-мулатах, чем о рожденных от черного мужа»²¹. Это объясняется в первую очередь тем, что социально-расовая стратификация, характерная для периода рабства, продолжала сохраняться и после эмансипации, хотя значение ее уменьшалось. Как и в период рабства, мулаты пользовались рядом привилегий, хотя и подвергались определенной дискриминации со стороны «чистых» белых, что сближало их с чернокожими. Но

в то же время, несмотря на общность происхождения и в значительной степени культуры, мулаты и негры, как правило, еще слабо осознавали свою принадлежность к одной этнической общности. И только быстрый рост числа иммигрантов, появившихся с конца 30-х годов XIX в. в Гвиане, Суринаме и на Тринидаде из ряда стран Азии и Европы, а в Белизе из соседних американских стран, усилил процесс консолидации креольских общностей и способствовал сближению негров и мулатов — групп, различавшихся по социальному положению и расовому происхождению.

Иммигранты в исследуемых странах составили большинство населения, занятого в сельском хозяйстве. При этом в Британской Гвиане, Суринаме и на Тринидаде большинство выходцев из стран Азии и Европы стали первоначально законтрактованными сельскохозяйственными рабочими. Позднее, по истечении срока контрактов, заметная часть их превратилась в самостоятельных фермеров. В Британском Гондурасе (Белизе) большинство иммигрантов с самого начала стали мелкими фермерами, ведущими нетоварное хозяйство. Кроме того, розничная, а в значительной степени и мелкооптовая торговля вскоре оказалась в руках иммигрантов: португальцев, китайцев, индостанцев, «ливанцев».

Взросшее население потребовало увеличения административных аппаратов колоний. Кадры для них составляли почти исключительно креолы, умевшие не только изъясняться, но и читать и писать на английском (в Суринаме на голландском). Таким образом, во всех рассматриваемых странах сложилась ситуация, когда представители разных этнических общностей оказались и социально обособленными друг от друга.

Иммигранты и их потомки закономерно испытывали влияние более ранних насельников стран — креолов и немногочисленных европейцев. При этом, с одной стороны, происходила консолидация крупных общностей иммигрантского происхождения — индогвианцев, индотринидадцев, индосуринамцев, яванцев Суринама. С другой стороны, интенсивно шел процесс креолизации, тесно переплетающийся с процессами «англизации» и межэтнической интеграции. Сами представители иммигрантских общностей, прежде всего индостанского происхождения, всячески отрицали (и отрицают) влияние на их этносы креольской культуры, предпочитая при характеристике этнокультурных изменений пользоваться терминами «англизация» и «вестернизация»²². Эта ситуация повлияла и на точку зрения отечественного специалиста, отрицавшего, в частности, влияние креолизации на индогвианцев²³.

Однако на практике процесс креолизации, т. е. теперь уже усвоения элементов креольской культуры иммигрантами и их потомками, происходил (и продолжается в настоящее время) во всех исследуемых странах. При этом он тесно переплетается с процессами «англизации» и межэтнической интеграции.

Одним из наиболее ярких проявлений этого процесса стало утверждение в карибских странах новых языков межэтнического общения — креолей. В колониальный период местные креолы подвергались дискриминации, считались «белой» элитой языками отсталых и необразованных слоев населения. По мнению британского исследователя У. Люкса, в Британской Гвиане «креоль был вторым языком, который не использовался при общении образованных людей»²⁴. Однако большинство населения изъяснялось именно на креолях, они были понятны членам всех этнических групп. Перуанский исследователь Х. Деприч считал (опираясь на гвианский материал), что местный креоль имеет все свойства настоящего языка и так же, как настоящий язык, является живым, изменяется²⁵.

Как отмечалось ранее, первоначально креолы были разговорными языками населения африканского происхождения. Однако к концу колониального периода они стали не только понятными, но и родными для большинства всего населения, обогатившись индийской, китайской, португальской, в меньшей степени яванской, а в Британском Гондурасе (Белизе) и испанской лексикой.

Даже в Белизе при широко распространенном англо-испанском двуязычии и прочных позициях, занимаемых испанским языком, местный креоль стал родным

или хотя бы понятным для значительной части иммигрантов XIX в. и их потомков²⁶. По мнению гвианского историка С. Гранта, креоль в Белизе употребляется более широко, чем английский или испанский²⁷.

При этом креоли нигде не стали ни официальными, ни общепринятыми литературными языками. В общественно-политической и культурной жизни исследуемых стран монопольно господствовал английский (в Суринаме голландский). В художественной литературе креоли используются преимущественно для речевых характеристик персонажей у самых разных авторов, начиная от маститых Вильсона Харриса и В. Найпола до молодых прозаиков и поэтов, причем различного этнического происхождения.

Другим ярким примером креолизации общностей иммигрантского происхождения и межэтнической интеграции стало распространение культа обиа среди некреолов. В Британской Гвиане (а затем и в независимой Гайане) обиа нашел приверженцев не только среди потомков африканских рабов, но и среди индогвианцев, хотя, по мнению Кэмпбелла, последних привлекала преимущественно его коммерческая сторона²⁸. Отдельные брахманы наряду с исполнением традиционных культовых функций в индуизме одновременно подрабатывали выполнением обрядов обиа. Культ имел (и имеет) приверженцев не только среди потомков африканских рабов — фермеров и люмпен-пролетариев, но и в средних слоях населения. Жрецы обиа пользуются значительным влиянием. Некоторые из гайанских жрецов обиа практикуют в Суринаме и на Барбадосе, к ним приезжают клиенты даже из США. Обряды обиа сопровождаются жертвенными закланиями животных. Отмечены случаи и человеческих жертвоприношений. В 1951 г. в Новом Амстердаме (Британская Гвиана) была казнена обиавумен Катрин Фулerton, для отыскания клада «голландских денег» принесшая в жертву ребенка²⁹.

Как справедливо отмечает аргентинский исследователь, ныне живущий в Венесуэле, А. Сербин, и сам культ обиа, и его обрядность впитали в себя элементы самого различного этнокультурного происхождения³⁰. В целом можно утверждать, что сегодня обиа поистине является частью общекарибской религиозной практики и культуры, хотя наибольшее распространение этот культ получил в Гайане и Белизе.

Большинство традиционных праздников разных этнических групп, включая и те, которые связаны со специфически «этническими» религиозными традициями, приобрели межэтнический характер. В Гайане всеобщим праздником стал китайский Новый год³¹. Представители всех этнических групп в исследуемых странах принимают участие в креольских карнавалах. Весенний индуистский праздник Холи (Пхагва) эволюционировал в сторону креольского карнавала, праздничные песни сблизилась с калипсо на Тринидаде, в Суринаме и Гайане. Пхагва в Гайане признан национальным праздником, и в день его проведения гайанцы не работают. Мохаррам («Хоссейн»), религиозный праздник мусульман-шиитов, стал в Гайане отмечаться совместно не только мусульманами и индуистами, в нем принимают участие и креолы. И на Тринидаде «Хоссейн» превратился из чисто мусульманского праздника сначала в общетринидадский, а затем и в «общетринидадский»³².

Во всех четырех странах отмечаются культурные взаимовлияния в традиционных танцах и музыке, в кухне³³.

Можно сделать вывод о некоторых общих особенностях, характерных для бывших британских владений в регионе и Суринама. Эти особенности обусловлены не только сходными политико-административными и образовательными системами данных стран, но и тем, что креолы оказались в них в положении своего рода если не «этнического ядра», то этнически доминирующих общностей. А. Д. Дридзо отмечал на тринидадском материале формирование общетринидадской культурной общности. «Несомненно, — считает отечественный исследователь, — происходит этот процесс на базе той культуры, носителями которой являются тринидадские негры (и мулаты, по крайней мере часть из них)³⁴, т. е. креолы.

Преобладание креолов в административно-управленческих аппаратах и на

всех видах государственной службы определило широкое распространение не колониальной английской (в Суринаме нидерландской), а креольской культуры среди масс разноязычного населения. Исторически именно креолы выступали своего рода проводниками британского (в Суринаме нидерландского) культурного влияния на остальные этнические группы населения в самых разных областях. Это отнюдь не противоречит в целом эндогамным традициям иных этнических групп, наиболее ярко проявляющимся у представителей общностей индоостанского происхождения. Креолизация разнородных этнических элементов отнюдь не является физической миксацией или даже «аккультурацией» креолами других жителей рассматриваемых стран. Это скорее своеобразно преломленный процесс усвоения некоторых норм английской (и нидерландской в случае Суринама) культуры некреольским населением, но осуществляемый посредством культуры креолов. В этом контексте можно согласиться с мнением американского исследователя Р. Премдаса, что, например, в Гайане индогайанцы и афрогайанцы (креолы Гайаны) вносят свой вклад в креольскую культуру³⁵, т. е. участвуют в процессе креолизации.

С. Грант, анализируя белизскую ситуацию, считает, что креолизация в известной степени эквивалентна «англизации», так как развивается и распространяется посредством политического законодательства, системы образования, средств массовой информации³⁶, сложившихся в период колониальной зависимости, в которых доминируют лица креольской этнической принадлежности.

Р. Смит на гвианском материале также делает вывод об известном совпадении креолизации и англизации, но считает, что термин «креолизация» предпочтительней, так как креолизация осуществляется посредством креольской культуры, в которой доминирует британское (английское) культурное наследие³⁷.

Таким образом, и в настоящее время креолизация является процессом адаптации представителей разных этнических групп к существующим реалиям исследуемых стран, включая особенности политических систем, административного аппарата, систем образования и т. п., сложившихся в период колониальной зависимости и влияющих на все население.

Креолизация здесь неотделима и от процессов межэтнической интеграции. О дальнейших перспективах этих процессов говорить пока рано, но уже на настоящем этапе можно выявить сложение своего рода метаэтнических общностей нового типа (в рамках существующих этнополитических общностей) — белизцев, гайанцев, суринамцев и тринидадцев, составляющих подавляющее большинство населения исследуемых стран за исключением наиболее маргинальных, автаркичных в хозяйственном отношении групп, например некоторых индейских общин Гайаны и Суринама, части «лесных негров» Суринама; или недавних иммигрантских групп, преимущественно этноконфессионального характера, таких, как германоязычные меннониты в Белизе и печальной судьбы секта «Народный храм» американского происхождения в Гайане.

Завершая рассмотрение процессов креолизации в полиэтничных странах Карибского региона в исторической перспективе, необходимо подчеркнуть разницу между процессами креолизации в период до появления здесь иммигрантов из ряда стран Европы, Азии и Латинской Америки (до 30-х годов XIX в.) и последующим переходом. Если первоначально креолизация являлась процессом адаптации чернокожих невольников к условиям англоязычных карибских стран, включая культуру господствующего рабовладельческого европейского меньшинства, в этническом плане преимущественно английского (отсюда и «англизация» как составная часть креолизации), то с прибытием новых иммигрантов креолизация, тесно переплетаясь с межэтнической интеграцией, стала процессом приспособления новых жителей карибских стран и их потомков к местным социально-экономическим и этнокультурным реалиям, в том числе к реалиям креольской культуры.

Анализируя современную ситуацию, нельзя не подчеркнуть, что креолизация в настоящее время охватывает представителей почти всех некреольских этносов и основное ее содержание — адаптация потомков иммигрантов к господствующим креольским культурам и посредством их — к элементам европейских культур.

Примечания

- ¹ Ср.: Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982; Ковальская А. С. На пути к свободе. М., 1973; Молодые государства Карибского бассейна: проблемы развития. М., 1981.
- ² Дридзо А. Д. Ямайка//Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982. С. 212.
- ³ Brathwaite E. K. La criollisation en las Antillas de lengua inglesa//Casa de las Americas. La Habana. 1976. № 96. Mayo-junio. P. 20.
- ⁴ Нитобург Э. Л. Введение//Этнические процессы в странах Карибского моря... С. 9.
- ⁵ Нитобург Э. Л. Рабство негров и расовые отношения в странах Западного полушария//Африканцы в странах Америки. М., 1987. С. 386.
- ⁶ См.: Дридзо А. Д. Англоязычные страны Вест-Индии//Африканцы в странах Америки; Дридзо А. Д. Тринидад и Тобаго. Ямайка. Этнические аспекты колониальной политики Англии//Этнические процессы в странах Карибского моря...; Дридзо А. Д. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. Л., 1978.
- ⁷ Грибанов П. В., Гончарова Т. В. Креолы Гайаны (афрогайанцы)//Расы и народы. Вып. 14. М., 1984; Грибанов П. В. История этнокультурных изменений и формирование креольской этнической общности в Британской Гвиане (XVII — первая половина XIX в.)//Этнокультурные процессы. Методы исторического и синхронного изучения. М., 1982.
- ⁸ Дридзо А. Д. Развитие культуры//Молодые государства Карибского бассейна: проблемы развития. М., 1981. С. 145—146.
- ⁹ Дридзо А. Д. Этнокультурные процессы в Вест-Индии... С. 26.
- ¹⁰ Nath Dw. A history of Guyana. L., 1975. P. 95.
- ¹¹ Kirke H. Twenty-five years in British Guiana. Reprint 1989. Westport, 1970. P. 266.
- ¹² Irwin G. W. Africans abroad: a documentary history of the Black Diaspora in Asia, Latin America and the Caribbean during the age of slavery. N. Y., 1977. P. 190.
- ¹³ Shomburgk R. A description of British Guiana. L., 1890.
- ¹⁴ Аннун К. Ф. Путешествие по Британской Гвиане. СПб., 1871. С. 17.
- ¹⁵ Kirke H. Op. cit. P. 259.
- ¹⁶ Bryan E. History, civil and commercial of the West Indies. L., 1793. P. 88—99.
- ¹⁷ Campbell G. Obeah yes or no? A study of obeah and spiritualism in Guyana. Georgetown, 1977. P. 4.
- ¹⁸ Ibid. P. 5.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Brathwaite E. K. The development of Creole society in Jamaica. 1770—1820. Oxford, 1978.
- ²¹ Rodway J. Guiana: British, Dutch and French. L., 1912. P. 190.
- ²² Hintzen P. C. The costs of regime survival: racial mobilisation, elite domination and control of the state in Guyana and Trinidad. Cambridge, 1989.
- ²³ Кошнев В. И. Гайана. Формирование современного этнического состава//Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. С. 479.
- ²⁴ Lux W. Historical dictionary of the British Caribbean. Metunen, 1975. P. 94.
- ²⁵ Deprich J. A. Guyana. Otra via al socialismo. Caracas, 1973. P. 44.
- ²⁶ Allsop S. R. R. British Honduras — the Linguistic Dilemma//Caribbean Quarterly. 1965. V. 11. № 3—4. P. 59.
- ²⁷ Grant C. The making of modern Belize. Politics, society and British Colonialism in Central America. Cambridge (Mass.), 1976. P. 20.
- ²⁸ Campbell J. Op. cit. P. 5.
- ²⁹ Ibid. P. 9.
- ³⁰ Serbin An. Nacionalismo, etnicidad y politica en la Republica Cooperativa de Guyana. Caracas, 1981. P. 114, 115.
- ³¹ Mittelholther Ed. With a Carib eye. L., 1958. P. 146.
- ³² Дридзо А. Д. Этнокультурные процессы в Вест-Индии... С. 188.
- ³³ Deprich J. A. Op. cit. P. 107.
- ³⁴ Дридзо А. Д. Тринидад и Тобаго//Этнические процессы в странах Карибского моря... С. 233.
- ³⁵ Premdas R. Party politics and racial division in Guyana. Denver, 1973. P. 2.
- ³⁶ Grant C. Op. cit. P. 28.
- ³⁷ Smith R. T. Ethnic Difference and Peasant Economy in British Guiana//Capital, saving and credit in peasant societies. Chicago, 1964. P. 309.

Creolization and interethnic integration in poly-ethnic countries of the Caribbean

The author examines the processes of creolization and interethnic integration as they go on in the Caribbean countries with poly-ethnic populations. The terms «Caribbean region», «a creole», «creolization» are given closer definitions. The early stage of creolization, i. e. the formation of creole ethnoses in the XIX — early XIXth centuries, as well as cultural interaction of the local creole peoples and immigrants in the XIX—XXth centuries are characterized.

P. V. Gribanov